

В. БУРЕНИН

Критические очерки

I

За последнее время наша журнальная критика — извиняюсь за грубое, но точное слово — одурела до невероятной степени. Эта критика перестает понимать, что обозначается словом поэзия и, кажется, полагает это слово синонимом слова сумбур. За поэзию принимается всякий прямо-таки сумасшедший вздор, даже такой вздор, который написан не на русском языке и не на каком-либо ином из существующих иностранных языков, а на языке, изобретенном современными наглецами или шутами стихотворного бедламства. Этот мнимый язык, конечно, непонятен и самим его изобретателям, так как представляет просто произвольный набор букв, из которых составляются будто бы какие-то слова, будто бы что-то значащие. И подобный совершенно бессмысленный, невероятно безобразный и невероятно грубый сумбур, практикуемый или шарлатанами, нахально издевающимися над печатным словом, или пошлыми шутами и литературными клоунами, или, наконец, природными идиотами и кретинами, объявляется современной журнальной критикой не только литературным «явлением», но даже «новыми течениями в русской поэзии». Правда такой взгляд на скверное и глупое мистификаторство или на сумасшедшее кривляние исходит от господ, выступивших в качестве критиков из рядов представителей того декадентского стихоплетства, которое собственно и положило начало бедламству и клоунскому шутовству в нашей литературе. Это, конечно, до некоторой степени объясняет безобразный факт одурелости критики. Однако же нисколько не примиряет с ним.

Кто же из «зачинателей» декадентского стихоплетства является в «одурелой» критике достойным ценителем и судьей сумбурного шутовства или бедламства? Кто торжественно признает сознательное или бессознательное идиотство за «новые течения

в русской поэзии»? Ну, разумеется, великолепный г. Валерий Брюсов, прошедший все «пути и перепутья» лабиринта ахинеи. На страницах «литературно-политического издания, называющегося «Русской мыслью», г. Брюсов с педантической серьезностью прирожденного педанта исследует и оценивает «новые течения в русской поэзии», которые выражаются в белиберде вот какого сорта:

Бобэоби пелись губы
 Везоми пелись взоры
 Пеэло пелись брови
 Лизэей пелся облик
 Гей-гей-геэо пелась цепь.

Дыр-буд-пзыл
 Убелипур
 Скум
 Вы-со-бу
 Р-д-за.

Угрюмый дождь скосил глаза,
 А за
 Решеткой
 Четкой,
 Железной мысли проводов
 Перина
 И на
 Нее, легко встающих звезд оперлись
 Ноги.
 Но ги-
 Бель фонарей.

Рез-
 Че.
 Че-
 Рез.

По мнению великолепного г. Валерия Брюсова, такая и подобная рифмованная анихейя представляет не продукт наглого гаерства или не продукт несчастного помешательства, а «новые течения в поэзии»! Это, извольте видеть, называется «футуризмом». Наглые шуты, фабрикующие эту ахинею ради издевательства, или жалкие Поприцины, порождающие эту ахинею вследствие умоповреждения, — это современные футуристы.

У наглых шутов, занимающихся подобной ахинеей и желающих занять ею читателей, разумеется, одна-единственная цель: им хочется хоть чем-нибудь обратить на себя внимание, заявить о своем существовании. Им хочется, чтобы «публика» узнала их имена, хотя бы как имена гороховых шутов или сумасшедших. Ни талантом, ни умом они не могут отличиться. Они в большинстве бездарные тупицы и невежественные, грубые и нахальные неучи. Они даже не так называемая литературная тля. К литературе они не имеют ни малейшего отношения и больше относятся к скандалу, к кабаку, к балагану. Но, понимая литературу именно как скандал, кабак и балаган, они желают в ней фигурировать в качестве хотя бы «замеченных» скандалистов, наглецов и дураков. Вот и все. И больше ничего в сущности не представляют эти мнимые «футуристы», если рассматривать их писания как результат заведомо нахального шутовства и безобразия. Если же к этим господам отнестись, как к несчастным умоповрежденным субъектам, которые в припадке сумасшедшей мании стихоплетства сочиняют безобразный сумбур в непреодолимом убеждении, что это перлы какой-то новой, небывалой поэзии, то при такой постановке вопроса ответ будет один: обсуждение их опытов «футуризма» может происходить только в психиатрических заведениях, и эти опыты могут оцениваться докторами специалистами не с литературной, а с патологической стороны.

II

Так, по-видимому, представляется дело с точки зрения критики, руководящейся здравым смыслом. Но для современной одурелой критики дело представляется совсем не так. Самая дикая, самая бессмысленная, самая безграмотная ахинея для этой критики — новое течение в поэзии, достойное пристального внимания и исследования. И вот один из типических одурелых Аристархов г. Валерий Брюсов начинает «с ученым видом знатока» патентованной стихоплетной белиберды разбирать эту белиберду, объяснять ее сущность, ее значение, ее развитие. Он, г. Валерий Брюсов, собственно, допускает, так сказать, законность «футуризма», то есть невероятной глупости или невероятного дурачества в поэзии. Да как же ему не допустить этого, когда он сам вместе с другим белибердистом-рифмачом г. Бальмонтом в начале своей стихотворческой карьеры упражнялся очень усердно в сочинении явной рифмованной бессмыслицы. Правда, после долгого упражнения он, наконец, убедился в скан-

дальном безобразии такого занятия и стал писать стихи, хотя и лишённые поэтической жизненности, но все же не лишённые смысла. А вот сейчас помянутый мною его «брат по музе и судьбам», г. Бальмонт, и до сих пор чуть ли не после двадцатипятилетней практики «рифмачества», все еще придерживается своей первой манеры и даже чаще, чем прежде, пускает бессмыслицу в своих новых вдохновениях... Повторяю: г. Брюсов роковым образом должен относиться с некоторою терпимостью к белиберде, выступающей под титулом «футуризма», должен признавать за ней право некоторого гражданства. Он только немножко печалится тем, что белиберда «футуристов» представляется не достаточно «выразительною»... А если бы «выразительностью» эта белиберда отличалась, то есть была бы, так сказать, не белибердой, а уже белибердиссимой, тогда бы г. Брюсов, может быть, не только как теперь ее «заметил», но даже еще не «сходя в гроб, благословил».

Относительно недостатка «выразительности» в футуристических вдохновениях я никак не могу согласиться с г. Брюсовым, и с этой стороны мне из любви к справедливости приходится взять даже под свою защиту господ футуристов. Помилуйте, г. Брюсов, какой большей «выразительности» можно достигнуть в белиберде? В футуристических вдохновениях встречаются такие шедевры белиберды, что, вероятно, ни в одном сумасшедшем доме не найдутся в манускриптах умалишенных. Вот, например, изумительное «стихотворение», написанное «на языке собственного изобретения» одним футуристом:

Го оснег койд
 М р батульба
 Сипу ае киед
 Вер тум дах
 Гизо*.

Это ли еще не выразительная поэзия? Каждый, кто прочтет этот перл футуристического вдохновения, сразу поймет, что автор или безнадежный пациент дома сумасшедших, или такой беспардонный господин, который, как любят говорить теперь, побил рекорд наглого дурачества. И этот автор, не только без смущения, но с очевидной гордостью подписал свое имя и фамилию полностью под своим произведением: любуйтесь, мол, на меня: какой я молодец!

* Из № 3 журнала «Союз молодежи», который издается при участии поэтов другого органа — «Гилея».

А то вот не угодно ли еще пьеска того же автора, по выразительности бессмыслия, пожалуй, еще более изумительная, чем приведенная; хотя она писана не на языке «собственного изобретения», а по-видимому, на русском:

Тянут коней
 Заметил ты
 Носил копыты
 И ты
 Вскричал зажатый
 Добро
 Везут рогатые
 Кидайте хаты
 Не бедны, не богаты
 Конец везет
 Старо.

Неужели г. Брюсову и такие фрукты «футуризма» представляются недостаточно «выразительными»? Но чего же, однако, он еще хочет, о чем беспокоится г. Брюсов в своем критическом одурении? Какие еще «возможности» бессмыслицы волнуют его критическое воображение? Какого еще ему дурачества или сумасшествия надо для внесения, как он выражается, «в общую сокровищницу чего-либо нового». Нет, как угодно, а это все-таки нечто новое даже после наполнения «общей сокровищницы» бессмыслицами вершиплетства Бальмонтов, Блоков, Вячеславов Ивановых, Андреев Белых, Анкудинов Желтых, Оболдуев Сизых и прочих, еще недавно ярко сиявших, но теперь уже побледневших звезд декадентства и символизма. Право, можно заподозрить г. Брюсова в том, что он опасается, как бы «новые течения» из новых клоак бессмыслия, идиотства и шарлатанства не оказались более стремительными, чем «течения» прежние, которые напустили когда-то в литературу он сам и его достойные товарищи, декаденты и символисты «первого призыва». Волнуемый этими опасениями, он спешит заявить, что «темы, которые затрагивают футуристы, разрабатывались ранее романтиками (?) и символистами, метры футуристических стихов уже давно известны в русской поэзии, словесные новшества, на которые отваживаются новые поэты, тоже были уже опробованы (и часто более удачно) в литературе декадентами, символистами». Словом, г. Брюсов как будто хочет уверить и вразумить читателей, что новые опыты беспардонно-глупого «рифмачества» не затмят прежних опытов, что новые дураки ни наглостью, ни бессмыслием не превзойдут прежних дураков, что «пути и перепутья» бессознательного или заведомого

идиотства и шарлатанства, по которым блуждают новые литературные кретины, уже были пройдены прежними крестинами.

Опасения и тревоги г. Брюсова, конечно понятны. Но он мог бы совершенно успокоиться, если бы взял в соображение одно обстоятельство, меняющее, как говорится, всю картину. Г. Брюсову представляются «течениями» в поэзии то, в чем, собственно, никаких течений быть не может. И прежняя декадентско-символическая белиберда и теперешняя футуристическая — отнюдь не реки, стремящиеся по новым руслуам, а просто стоячие лужи. Недавняя стоячая лужа ахинеиного декадентства и символизма была довольно обширна, но, конечно, мелка, как все лужи. Вследствие своей мелкоты она скоро начала высыхать, и из этой обширной лужи образовались новые маленькие лужицы нынешнего футуризма и прочих подобных дурачеств. Эти лужицы, конечно, еще мутнее, чем прежняя большая лужа, так как грязь в них при малых размерах лужицы отстаивается гуще. Но и такие лужицы, Бог даст, тоже высохнут и иссякнут в самом непродолжительном времени. «Течение», да еще новое в этих мутных лужицах могут примечать только педанты современной одурелой критики, да разве еще те бездарные неучи, которые думают шарлатанским идиотством стяжать себе лавры поэтов самого нового стиля.

P. S. Мой друг гр. Алексис Жасминов прислал мне три новых «басни». Предлагаю их читателям:

1

Беллетрист Откуприн и спотыкач

Откуприн беллетрист бутылку «спотыкача»
 Откупорил, всю осушил до дна,
 И говорит: «Ох в наши времена
 Быть сочинителем мудреная задача:
 В порыве отрицательных идей
 Не только начинаешь ненавидеть,
 Но даже видеть
 Кругом себя перестаешь людей!
 Вот хоть бы я два месяца уж целых
 Одних слонов встречаю белых,
 Да змий зеленый вьется в три кольца
 Передо мной — и так проворно,
 Что не ухватишь подлеца,
 Хоть я за хвост ловлю его упорно...»
 Откуприн нес, конечно, дичь,
 Упившись крепким «спотыкачем»,
 Но этой дичи смысл возможно все ж постичь,

Когда ее в мораль переиначим:
 Скажите, почему таков
 Удел художников модерна:
 Состряпавши роман иль два прескверно,
 Они доходят до слонов
 И до зеленого таинственного змия.
 Судьба ли это? Иль эпидемия?

2

Леонид Андреев и лев

В Куоккале Андреев Леонид
 Со львом однажды повстречался —
 И вдруг на льва как зарычит!
 Но лев ничуть не испугался
 И молвил — помахав хвостом —
 «Не страшно, не из тучи гром:
 Твое рычание звучит куриным эхом».
 — «Ага, — вскричал великий Леонид, —
 Тебя мое рычанье не страшит,
 Так ужасну тебя я "красным смехом"» —
 И начал дико хохотать пред львом,
 А тот махнул опять презрительно хвостом
 И говорит: «Оставь, ведь эдак селезенка
 С натуги лопнуть может вдруг,
 Твой "красный смех", любезный друг,
 Визжанию подобен поросенка».
 Андреев, пуще кипятясь, ему:
 — «Вострепеци! Ты знаешь ли кому
 Так говоришь? Я — Некто в сером!»
 — «Да мне то что; хоть «Некто в желтом» будь
 Отстань пожалуйста и продолжай свой путь...
 Не то я поступлю с тобой таким манером:
 Разину пасть да сделаю прыжок
 И проглочу тебя, как будто пирожок!..»
 Услышав эту речь, в трусливой лихорадке,
 Андреев задрожал сперва,
 Потом бежать ударился от льва
 Да так, что засверкали пятки...

Мораль сей басни такова:
 Хоть в ужасах Андреев и неистов,
 Но может он пугать одних лишь гимназистов.

3

Барышня и вершина Гималая

Сев на вершину Гималая,
 Сказала барышня одна:

Хоть ростом и весьма мала я —
С высоким небом я ровна!
— «К чему, — заметила вершина —
Такие гордые мечты:
Вниз спустишься и будешь ты,
Как прежде, в полтора аршина.

